

Экспертные ошибки — судебные ошибки

1 марта 2023, 13:51 Владимир ФИЛИЧКИН

Профессор Власов проводит осмотр места происшествия

Гость нашей редакции — профессор Российской академии естествознания, директор научно-исследовательского института судебных экспертиз Александр Власов.

— О чем сегодня поговорим, Александр Юрьевич?

— Мне кажется достаточно актуальной такая тема, как цена экспертной ошибки.

— С последующей судебной ошибкой?

— Это две вещи, находящиеся друг с другом...

— В зависимости?

— Да, в прямой зависимости. Хотя без удовольствия кто-то признает свои ошибки, и это, в общем, с психологической точки зрения понятно, может быть, даже где-то и оправдано. Но вот я хочу рассказать сначала о собственной экспертной ошибке, допущенной много лет назад.

— Это на тему, что у каждого врача свое кладбище.

— Ну, эти темы созвучны. Никуда от этого не деться, и ошибки допускаются всеми медиками, в абсолютном большинстве своем не умышленные. Действительно, не всегда возможно предвидеть и предвосхитить все последствия своих действий. Так вот, где-то, наверно, в начале 70-х годов, я выехал на место происшествия. Труп женщины был обнаружен под кроватью.

— Где?

— Под кроватью, в ее собственной квартире. Мы тогда как раз начинали разрабатывать очень важную для всех криминальных ситуаций тему — диагностику времени наступления смерти. Она и тогда была актуальной, актуальность свою не утратила и до сих пор. В общем, на мой взгляд, через какое-то время добились очень серьезных успехов, и стали диагностировать давность наступления смерти с большой точностью.

— Это вы про измерение температуры печени?

— Да, это как раз про измерение температуры и про характер течения процессов передачи тепла от центра, так сказать, от ядра организма, где оно генерируется, к поверхностным слоям. И очень много вопросов можно решить при детальном исследовании этих процессов. Так

вот, приехав на место происшествия, я достаточно долго измерял температуру и в итоге пришел...

— Температуру внутренних органов?

— Да, температуру внутри, специальным игольчатым термодатчиком, на который, в последствии, мы получили даже авторское свидетельство об изобретении. И вылилось это в серийное производство диагностического портативного аппарата, с помощью которого эксперты почти всей страны выполняли такие исследования. Но сейчас не об этом. Итак, я пришел к выводу о том, что смерть наступила за два дня до обнаружения трупа.

А круг подозреваемых в данном случае состоял всего из одного человека — ее мужа. Что совершенно естественно для подобных ситуаций.

Они и делятся-то на две категории такие ситуации: первый подозреваемый — тот, кто труп нашел, а второй подозреваемый всегда — тот, кто состоял с этим погибшим в каких-то отношениях, особенно близких.

Но вот на тот срок наступления смерти, что я определил, подозреваемый имел абсолютное алиби, достоверно подтвержденное. Ну, правда, это не помешало возбудить против него уголовное дело, поскольку в процессе расследования, тогда существовала, устоявшаяся позиция о том, что признание является царицей всех доказательств. И такое признание от мужа известными способами в итоге было получено, и даже была написана явка с повинной.

— И она перевесила все ваши исследования?

— Да, и потом по этому делу мне пришлось выступать в суде с объяснениями своих научных изысканий. Судья, правда, был интересный персонаж, вдумчивый человек, правда, безрукий. В прямом понимании этого слова, а не в каком-то иносказательном смысле. У него, действительно, не было обеих рук.

Но он успешно осуществлял правосудие, вполне успешно, это я абсолютно без всякого намека на какую-то иронию...

— А как писал-то приговоры?

— Ну, помощники писали под диктовку. Он очень внимательно меня выслушал и обратился к подсудимому: «Ну, вот вы слышали высказывания эксперта, который точно все установил». А надо сказать, что подсудимый ко времени судебного заседания отказался от своих прежних признательных показаний и встал твердо на позицию о том, что наличие у него абсолютного алиби на тот период, когда эксперт определил время наступления смерти, должно, согласно здравому смыслу и логике, гарантировать ему освобождение от судебного преследования.

Ну и стал подсудимый мне задавать каверзные вопросы: как я это все определил, какими методами, на основании каких теоретических разработок. И когда мы совсем уже углубились в научные дебри, он вдруг вспыхнул и

обратился к судье: «Ваш эксперт ломаного гроша не стоит! На самом деле он ничего не понимает этот эксперт. Убил-то я ее еще два месяца тому назад, а дело было зимой. И я ее вынес на балкон, погода была очень холодная, ну, и как-то все были у меня другие дела, большая занятость: не удосужился утилизировать труп. А тут уже близко весна, и я ее занес в квартиру, попытался расчленивать, но замерзший труп расчленивать оказывается — очень трудоемкая процедура, поэтому положил ее пока оттаивать под кровать. А тут сосед зашел в гости и заметил, что нога торчит из-под кровати, ну, и поднял шум».

— Что из-под кровати торчит?

— Нога торчит из-под кровати. И он поднял шум. Вызвал милицию и так далее, со всеми вытекающими последствиями. Очень эмоциональное его выступление имело, конечно, оглушительный успех. Это сейчас, в судебном заседании нет почти никогда каких-то слушателей, зрителей, любознательных просто забредших людей. А тогда залы судебных заседаний были битком забиты интересующимися всякими пикантными подробностями.

Успех у подсудимого был просто триумфальный. И судья тоже говорит: «Так все-таки вы признаете, что убили? Мотивация-то ваша, в чем состоит, этого вашего признания?»

А он и говорит судье: «Исключительно в борьбе за справедливость в науке. Вот эксперт ваш установил двое суток, а на самом деле два месяца тому назад событие трагическое состоялось. Вот чего стоит ваша так называемая экспертиза!».

Пришлось мне, так как некуда было деваться, признавать свою ошибку. Правда, это было на самом начальном этапе разработки нашей методики, потом она стала точнее, потом стала учитывать и возможные сценарии с перемещением тел, в том числе в разные температурные условия окружающей обстановки.

На самом деле это научное направление в конечном итоге постигла трагическая судьба. По началу следствие проявило к нему очень большой интерес, потому что, вроде как, оно позволяло достоверно установить истину, но у этой истины, как выяснилось, в рамках практического применения оказалась и другая сторона.

И один за другим оперативные работники и следователи начали пенять мне на то, что я связываю их по рукам и ногам и не даю возможности расширить круг подозреваемых до того временного периода, когда в него попадет какой-нибудь, ну, условно говоря, сговорчивый клиент, которого им удастся убедить на дачу признательных показаний. И тем самым объявить преступление раскрытым. И вот эта позиция, к сожалению, возобладала, и научное исследование в этом направлении тоже постигло полное фиаско. Поскольку это вступило в противоречие с существовавшими в то время

методами расследования, ориентированными исключительно на получение признательных показаний, независимо от того, что знал субъект вообще о самом событии преступления. А это научное исследование их, в самом деле, ограничивало в возможности традиционных, сложившихся еще с постреволюционных времен, способов так называемого расследования преступлений.

Вот, правда, без особой утайки я могу рассказывать о такого рода экспертной ошибке, потому что в большей степени она имеет чисто научный, познавательный интерес. В конечном-то итоге она обернулась феноменальным эмоциональным признанием, осуществленным прямо в рамках судебного заседания.

— Интересно, почему подсудимому поверили?

— Исключительно потому, что у него не могло, с точки зрения здравого смысла, быть какой-то другой мотивации к самоговору. Притом, что до этого он твердо стоял на позициях наличия алиби, и тут вдруг настолько был возмущен малограмотностью, на его взгляд, заключения эксперта, что это признание выглядело абсолютно органично, достоверно и максимально правдиво, поэтому поверили.

Окончание следует.